

Стоит ли топить печь ассигнациями?

Будет преувеличением сказать, что размежевания и слияния Госплана, преимущественное развитие группы «А» или группы «Б», централизация или децентрализация экономики в те годы были в центре моего внимания. Друзья, институтские дела интересовали меня куда больше. Но нельзя сказать, что я вообще оставался равнодушен к делам государственным. Вся наша жизнь вертелась вокруг отца, его интересов, вольно и невольно насыщая нас «его» информацией. Обычно после ужина и перед просмотром вечерней порции бумаг, он отправлялся на прогулку, и я с ним. Эти вечерние, а порой краткие утренние прогулки, еще

с Киева вошли в привычку. Пока мы гуляли, я делился с отцом своими новостями, он слушал меня, что-то отвечал, а порой пропускал все мимо ушей, погруженный в какие-то свои, далекие от меня, проблемы. Тогда я замолкал, и мы молча шагали по дорожкам, окружавшего дачу парка, сначала вокруг дома, потом в лес, в направлении строящейся маленьковской дачи, затем сворачивали направо и по круче над Москвой-рекой возвращались обратно.

Отец взбегал по ступенькам на веранду, садился к застеленному скатертью круглому столику, просил чаю с лимоном и погружался в чтение бумаг. Красные, серо-голубые, зеленые бумажные папки, расцвеченные в зависимости от принадлежности документов к тому или иному ведомству, перемещались с левой стопки, ложились перед отцом, прочитывались, покрывались пометками, чаще красным карандашом и завершали свой путь в правой стопке. Закончив чтение, на него обычно уходило часа два, отец запихивал бумаги в объемистую коричневую кожаную папку, так что она раздувалась и, казалось, никогда не закроется. Щелкала кнопка застежки, работа закончена, пора отходить ко сну. Отец поднимался по поскрипывающей лестнице на второй этаж, там располагалась его спальня. Если он не успевал дочитать содержимое папки до конца, то брал ее с собой. В противном случае, папка оставалась внизу на маленьком столике в прихожей, утром он заберет ее с собой на работу.

Если отец вечером возвращался не один, то во время прогулок обсуждались с гостями волновавшие их проблемы, я сопровождал их пассивно, без права голоса.

Темы разговоров менялись с изменением положения, занимаемого отцом. До смерти Сталина, в Киеве, говорили об Украине, потом – о Москве, теперь же речь шла о делах общегосударственных. Одни меня интересовали больше, другие меньше, кое-что вообще пролетало мимо ушей.

Нужно сказать, что я очень любил географию. Увлёкся я ею, не помню точно, то ли в четвертом, то ли даже в третьем классе. Мама повесила в коридоре нашей киевской резиденции большую географическую карту СССР, и я часами елозил по ней, почти физически ощущая высоты горных хребтов и низинную влагу болот, выискивал приземистые черные треугольнички, обозначавшие месторождения железной руды, или более стройные, походившие на нефтяные вышки – там, естественно, добывали нефть. Черные квадратики, щедро разбросанные по карте, – это уголь. И еще много других значков: калийная соль, просто соль, марганец, вольфрам. Богатство страны воодушевляло меня: скоро, очень скоро мы станем сильнее всех на свете, и никто не посмеет на нас напасть.

Я хорошо запомнил, как в 1946 году Сталин объявил всей стране: как только начнем добывать в год пятьсот миллионов тонн угля, шестьдесят миллионов тонн нефти, выплачивать пятьдесят миллионов тонн стали, мы станем непобедимы, не то что построим коммунизм – в своих обещаниях он избегал конкретики, но все заживут очень хорошо. На все это Сталин отвел три пятилетки. Позднее, уже переехав в Москву, я прилежно штудировал публиковавшиеся в газетах отчеты о выполнении годовых планов, высчитывал, насколько мы приблизились к заветной черте. К моему сожалению, газеты тогда не публиковали конкретных цифр производства, только проценты перевыполнения плана этого года и процент прироста по отношению к предыдущему году. А так как планы постоянно корректировались и пересматривались, то выудить что-либо из газетных сообщений не удавалось. И тем не менее, я искренне верил и радовался газетным сообщениям, почти повсеместно задания перевыполняли на 10–15 процентов, и только где-то внизу газетной колонки стыдливо жались «провалившие» план аутсайдеры – обычно деревообделочники, лесная и местная промышленность, не дотянувшие один-два пункта до стопроцентной отметки. Но на них мы не обращали особого внимания: главное – нефть, сталь, уголь, а остальное со временем подтянется. Особенно нефть, без нее мы не выиграли бы войны с Германией и вообще это ценнейшее сырье, из нее столько всего можно сделать уже сейчас, а в будущем... Со страниц

школьного учебника химии бородатый Менделеев укорял потомков: «Топить печи нефтью – это все равно что топить их ассигнациями».

В то, что сжигать нефть в топках – расточительство, граничащее в преступлением, учили не только в школах, тоже самое проповедовал и Сталин. Нефть, бензин – стратегическое сырье копили на случай войны, на мирные нужды почти не расходовали.

Игра в проценты продолжилась и в первые годы после смерти Сталина. Только задним числом, через несколько лет из выступления отца я уяснил, что 60 миллионов тонн нефти в год добыли не через три пятилетки, в 1960 году, а раньше, всего через две, уже в 1955-м. Однако и этого оказалось для страны недостаточно. Сталин просчитался. Бензин, солярка и все другие продукты из нефти так и не вышли из разряда остродефицитных. Автомобили – государственные конечно, частных в пятидесятые годы практически не существовало – заправляли согласно установленному лимиту. Выбрал свою норму и жди следующего месяца, неважно, возишь ты начальника на легковушке или перевозишь зерно нового урожая на грузовике.

Нефть и нефтепродукты экономили, как могли, Сталин запрещал сжигать мазут на электростанциях, началось повсеместное возведение плотин на реках: Свири, Днестре, Каме, Волге. Гидроэнергия казалась Сталину даровой, вода сама течет вниз по руслу рек, крутит турбины, вырабатывая ток. То, что строительство гидроэлектростанций требует во много раз больше усилий и рабочих рук, чем сооружение тепловых станций, Сталина особенно не беспокоило, заключенных в стране достаточно. Сталинский план преобразования природы, включавший в себя, в первую очередь, запруживание Волги, Днестра, Камы и всех других наших европейских рек, а вслед за ними и рек сибирских, в школе мы заучивали наизусть. Тепловые электростанции строили очень ограниченно, только там, где нет воды, и почти исключительно на угле.

На железных дорогах доминировали паровозы. Поезда двигались медленно, со множеством остановок на дозаправку водой и углем, но о переходе на тепловозы запрещалось и думать. Они расходовали нефть, и на них Сталин наложил строжайшее табу. Каганович бдительно следил за его исполнением.

И вот теперь отец решился нарушить запрет.

Я сейчас не помню ни дня, ни месяца, но помню точно, что в тот вечер он вернулся возбужденным, под впечатлением от встречи с учеными-энергетиками. Они обсуждали, как ускорить строительство электростанций. Промышленность росла быстро, и электроэнергии катастрофически не хватало. По мнению собеседников отца – он не упомянул фамилий – следовало перенести центр тяжести с гидроэлектростанций на тепловые, разрешить сжигать нефть, и тогда сроки ввода генерирующих мощностей сократятся в два-три раза, а расходы на строительство – и того более. Отца просто распирало от этой, по нынешним временам, тривиальной истины. Я его теперь понимаю. Он прожил жизнь под сталинской сенью неприкосновенности нефтяных резервов, а тут вдруг открылось очевидное. Считавшаяся неразрешимой проблема неожиданно просто разрешилась. Отец не мог и не хотел сдерживаться, начал рассказывать, какие перспективы открываются перед страной. Меня поразила крамольность его слов: как он может себе позволить жечь нефть? Мы же оставим потомков ни с чем! Отец мне не возразил, но, по его мнению, время важнее. Мы должны догнать и перегнать Запад, Америку, и в кратчайшие сроки. Без электричества об этом и мечтать нечего, а строительство гидроэлектростанций растягивается чуть ли не на десятилетие. Выход один – разрешить использовать нефть и, возможно, газ. «Это временное решение», – успокоил он меня.

Отцу я верил, но о сожженной нефти очень сожалел. В своей оппозиции отцовской новации я не пребывал в одиночестве. Меня, естественно, никто не спрашивал, а вот в правительстве сопротивление он испытал весьма серьезное. Там доминировали гидростроители – «гидрики», и сдавать свои позиции они не собирались.

Внутри любой государственной или технической структуры постоянно идет борьба направлений. Ничего противоестественного в этом нет, так происходил и происходит естественный отбор в живой природе, так же осуществляется и научно-технический прогресс. Все – естественно, если смотреть со стороны, а вот изнутри «естественный отбор» выглядит иначе, никому не хочется оказаться выбракованным, по крайней мере, без борьбы, жестокой борьбы. Это, отнюдь, не академическая джентльменская дискуссия, а сражение без правил, когда все средства хороши.

8 отцовском предложении разворота к тепловым электростанциям «гидрики», естественно, углядели угрозу своим, доминировавшим в отрасли позициям и пошли в контратаку. Они завалили ЦК записками, доказывающими, что смена приоритетов не просто обернется для страны неисчислимыми потерями, но вызовет форменную катастрофу. На открывшемся в день моего рождения, 2 июля, Пленуме ЦК отец попытался примирить враждующие партии, говорил о разумном сочетании гидро– и тепловых электростанций, о необходимости типизации проектов, о переходе к сборно-блочному строительству электростанций и еще о многом и многом другом.

Отец победил, и не только в силу своего положения. На его сторону встали авторитетные «хозяйственники»: плановики Сабуров, Байбаков и главный гидростроитель, воссоздававший ДнепрогЭС, строивший Сталинградскую ГЭС, а с 1954 года министр строительства электростанций Федор Георгиевич Логинов.

«Перекося» в сторону «гидриков» начал выправляться. Вскоре после Пленума две Московские ТЭЦ перевели на газ. Дальше – больше. К тепловым станциям в начале 1956 года, снова по предложению отца, решили добавить атомные, в них сжигали даже не нефть и газ, а еще более ценный уран.

«Тепловики» ощущали себя все увереннее, и уже через несколько лет, в 1958–1959 годах, попытались вообще разделаться с «гидриками». ГЭС строится, хотя и не десять, как раньше, но все равно лет пять-шесть, а тепловая станция – два-три года. По их логике получалось, что «гидрики» непроизводительно закапывают ресурсы в землю. К тому же, гидростанции затопляют огромные пространства продуктивных сельскохозяйственных земель, а уж о наносимом ими вреде рыболовству, особенно на Волге с ее осетрами, и говорить нечего. Отцу аргументы «тепловиков» показались весомыми, он даже публично поддержал их во время церемонии открытия Куйбышевской ГЭС.

9 августа 1958 года туда вместе с отцом приехала вся «верхушка»: члены Президиума ЦК Аверкий Борисович Аристов, Леонид Ильич Брежнев, Михаил Андреевич Сулов, Дмитрий Степанович Полянский. Выступая на митинге гидростроителей, воздав им хвалу за содеянное, отец высказал сомнение: тем ли мы делом занимаемся? Рационально ли распоряжаемся ресурсами страны? Он как бы рассуждал вслух, советовался со своими слушателями. Согласно представленным ему расчетам, следующая, уже строящаяся ГЭС Волжского каскада, Саратовская, мощностью в 1 миллион киловатт, обойдется в 4 миллиарда рублей, на ее сооружение уйдет четыре года. А вот если тут же, под Саратовом, на Саратовском газовом месторождении построить тепловую электростанцию в 1 миллион киловатт, то затраты составят всего 1 миллиард рублей, а строители уложатся в три года. Получалось, что, ориентируясь на тепловые станции, страна выигрывает и в сроках, и в средствах. Есть о чем задуматься.

– Гидроресурсы от нас никуда не уйдут, – закончил свое «приветствие» отец, – мы же обязаны ускорять отдачу на вкладываемые в энергетику средства.

«Тепловики» торжествовали, казалось, они одержали окончательную победу. Но не тут-то было. «Гидрики» приняли ответные меры, представили предложения по переходу на блочное строительство, что, по их расчетам, заметно сократит расходы и сроки строительства. Три года назад «гидрики», в отличие от тепловиков, не отреагировали на призыв отца,

прозвучавший на Пленуме ЦК, – ведь в их деле главное – плотина (где невозможно сооружение из блоков), на ее фоне здания – мелочи, не стоящие внимания. Теперь пришлось заняться «мелочами». Экономия получилась весьма заметная, многомиллионная. Началась работа и над сокращением затопляемых земель. Раньше «гидрики» гордились масштабностью «рукотворных морей», теперь стали приноравливаться к ландшафту, предусматривать в проектах защитные насыпные дамбы. Не обошлось и без интриги. «Гидрики» последовательно обходили высокие государственные кабинеты, осторожно сетовали, как бы «небрежение» гидроэнергетикой в перспективе не привело к негативным последствиям, нефть и газ рано или поздно иссякнут, а вода вечна. Не встретив сочувствия в одних кабинетах, они тут же перекочевывали в соседние. И не без результата. В правительстве мнения разделились.

Один из заместителей отца, Александр Федорович Засядько, покровительствовал «тепловикам», другой высокий чиновник – председатель Госплана РСФСР Владимир Николаевич Новиков – поддерживал «гидриков». Оба апеллировали к отцу. Он не сомневался ни в честности, ни в квалификации своих заместителей и поручил им обоим разобраться совместно. Создали комиссию, во главе поставили Засядько и Новикова и отправили их на Волгу, где возводился крупнейший по тем временам каскад гидростанций – Куйбышевская ГЭС уже вступила в строй, достраивалась Саратовская, начинали работы на Сталинградской, на очереди и другие станции. Вопрос серьезный, стоимостью в десятки миллиардов рублей. Спорили до хрипоты, но приняли соломоново решение: сохранить приоритет строительства тепловых станций, но пока работы на гидростанциях не сворачивать. Решение, естественно, не окончательное. Окончательных решений в жизни не бывает, жизнь течет, изменяются обстоятельства, меняются приоритеты, приходится принимать новые решения, порой сильно отличающиеся от вчерашних, не говоря уже о позавчерашних.

Спор «гидриков» с тепловиками не только не затих, но разгорелся с новой силой, и те, и другие находили новые технические решения, а следовательно, и аргументы в обосновании собственной правоты. Возникающие на пути препятствия стимулируют активность в их преодолении, и так без конца.

В октябре 1959 года, отец по пути из Китая заехал на Братскую ГЭС. Ангарау перекрыли в июне, началось возведение плотины, и «гидрики» уговорили его взглянуть на их достижения. Отец легко согласился, ему самому очень хотелось взглянуть на будущую крупнейшую гидроэлектростанцию в мире. «Гидрики» постарались показать товар лицом, уговаривали его, что будущее советской энергетики Сибири в водах ее рек, где скрыта гигантская энергия, и именно сюда следует вкладывать ресурсы.

Слова их звучали убедительно, отец не возражал, но и соглашаться не спешил, хотел выслушать другую сторону. Он предложил еще раз собраться сразу по возвращении в Москву и все детально обсудить в спокойной обстановке.

Встретились в конце октября, в ЦК. Обе стороны тщательно готовились. «Тепловики» развесили по стенам зала заседаний плакаты с параметрами уже строящихся турбоблоков в 200–300 тысяч киловатт, и проектируемых в 500–800 тысяч киловатт, проекты целиком собираемых из панелей, «облегченных» зданий электростанций «миллионной» мощности. В южных районах, по примеру американцев, предполагалось обходиться вообще без зданий.

«Гидрики» принесли проекты гигантских плотин на Енисее, Лене, Амуре, Ангаре и гидроэлектростанций поменьше (но во много раз крупнее легендарного Днепрогэса) в Средней Азии, и совсем небольших на еще не зарегулированных реках Европейской части страны. Строить их, не только здания, но кое-где даже плотины собирались из недавно разработанных оригинальных бетонных блоков. Блоки, по виду напоминающие огромные пустые ящики размером с комнату, изготавливали на заводе, а затем укрепляли в отведенном месте плотины и заполняли бетоном. Не требовалось никакой опалубки, рабочий цикл сокращался

в несколько раз. Такие блоки, их прозвали «бычками», уже опробовали на строительстве Саратовской ГЭС и теперь намеревались начать внедрять повсеместно.

Вывод напрашивался сам собой: если предоставить им, «гидрикам», необходимые ресурсы, они «зальют» страну дешевой электроэнергией. Отец внимательно слушал докладчиков. Решение-то придется принимать ему, решение, определяющее будущее развитие страны на десятилетия.

Просидели два часа, достаточное время, чтобы убедиться, что с наскоку все громадьё проблем не охватить, потребуется не два часа, а много больше. К тому же, несмотря на предупреждение не беспокоить, секретарь то и дело извинялся, просил взять трубку, стоявшей рядом с отцом «вертушки» – неотложные дела.

– Звонки никак не дают сосредоточиться, – посетовал отец, – суть ваших предложений я уловил, но одной сути недостаточно, я хочу разобраться досконально. Ведь то, что вы принесли, это второй план ГОЭЛРО: удвоение темпов развития энергетики, создание единой энергетической системы страны, ее полная электрификация. Спешить не следует, я предлагаю еще раз собраться, и не в Москве. В следующем месяце я уезжаю в отпуск, давайте встретимся у меня на даче на Пицунде, в Абхазии, посидим день, два, три, сколько потребуется, а затем вынесем вопрос на заседание Президиума Совмина.

На том и порешили.

В Пицунду приглашенные прилетели 24 ноября. Министр строительства электростанций Игнатий Трофимович Новиков, его первый зам Петр Степанович Непорожний, а также начальник и главный инженер института «Гидроэнергопроект» Боровой, заместитель главного инженера института «Теплопроект» Жилин, главный инженер «Главэнергопроекта» Чупраков, главный конструктор Харьковского турбинного завода, создатель турбоблока мощностью 300 тысяч киловатт Шубин-Шубенко, еще один главный конструктор турбин Щеголев, главный инженер Ленинградского металлического завода Чернышев и другие. 25 ноября просидели, как предупреждал отец, полный рабочий день, восемь часов, наспорились вволю. Итог отец подвел уже по возвращении в Москву, в Доме Союзов, где утром 28 ноября он выступил на Всесоюзном совещании энергетиков: «Нет спора в том, что лучше. Хорошо и то, и другое. Гидроэлектростанции – лучше, если бы их строили быстрее. Можно было бы согласиться на преимущественное развитие гидроэлектростанций, если бы разрыв во времени, по сравнению с тепловыми, был не больше, положим, одного года. Но нельзя поступиться разрывом в сроках строительства в два-три раза. Что целесообразнее строить: гидростанции или тепловые станции? По-моему – это глупый спор. Все равно что спорить: как лучше кушать хлеб: с маслом или без масла? Если есть хлеб и есть масло, то лучше – с маслом».

Совещание в очередной раз «подвело черту» под спором «тепловиков» и «гидриков», каждый из них обживал свою нишу, и обживал весьма успешно. Вскоре к ним присоединятся еще и «атомщики».

В конце 1955 года, вслед за целиной, реорганизацией Военно-морского флота, пересмотром стратегии в области электроэнергетики, отец взялся за транспорт, вторгся в вотчину Кагановича. На первых порах осторожно. Специалисты-железнодорожники единодушно высказывались за тепловозы, паровозы давно себя исчерпали. По существу им никто не возражал, в нашей стране, как и во всем мире, тепловозы с электровозами проектировали и в сороковые годы, и в начале пятидесятых. Вот только в развитых странах, особенно в Америке, тепловозы и электровозы к середине XX века практически вытеснили допотопные паровозы, а у нас их запускали в небольшие опытные серии, но дальше дело не шло. «Железный» сталинский нарком Каганович, который «сидел» на транспорте и до войны, и в войну, и после войны и слышать не желал ни о чем ином, кроме паровозов.

Оказалось, в тепловозо-паровозном споре и разбираться-то особенно не в чем, цифры говорили сами за себя: у паровоза коэффициент полезного действия 4–5, от силы 8 процентов, то есть более 90 процентов сжигаемого топлива выбрасывается на ветер, а у тепловоза – 30 и более процентов. О чем тут спорить?

Однако все уперлось в Кагановича. О наркоме Кагановиче ходили легенды. За свою долгую карьеру он успел поруководить не только транспортом, но и тяжелой промышленностью, добычей топлива и строительных материалов, материально-техническим снабжением, вопросами труда и заработной платы. Он брал горлом, нахрапом, отличался сталинской беспощадностью к людям, но обладал и дьявольским чутьем, позволявшим ему, в не столь далеком прошлом сапожнику, управляться и со сложной железнодорожной инфраструктурой, и с топливным балансом. Вместе с тем, уверовав во что-то, он стоял насмерть, своротить, переубедить его невозможно. Да и противоречить Кагановичу мало кто отваживался. А если кто и пытался, особенно в телефонном разговоре, то «доставалось» обычно трубке. В запале Каганович так швырял ее на письменный стол, что только осколки летели. И так несколько раз в день.

И если бы его жертвами оказывались только разбитые стекла и телефонные трубки... Прощтрафившихся или просто не согласившихся с хозяином кабинета хозяйственников нередко прямым ходом отправляли на «перевоспитание» туда, откуда мало кто возвращался.

В 1955 году отец Кагановича не боялся, он занимал более высокую ступень в кремлевской иерархии. В таких обстоятельствах Каганович, в отличие от Молотова, никогда не спорил, соглашался, хотя сам и придерживался иного мнения. Но и отцу не хотелось с ним конфликтовать, слишком многое их связывало. Каганович привел отца в революцию, а потом, в 1930-е годы, – и во власть. Они столько проработали вместе. Но ставить личные симпатии выше интересов страны и дела он тоже не мог.

Отец решил действовать втайне от Кагановича, а потом поставить его перед фактом. В августе 1955 года он вызвал к себе Байбакова, недавно назначенного главой Госплана и поручил ему за месяц разработать программу реконструкции железнодорожного транспорта с переводом его в течение трех пятилеток на тепловозную и электровозную тягу.

Байбаков прекрасно понимал, что паровозы – это прошлый век. Но Каганович?... Он прослужил у него в заместителях в Наркомате топливной промышленности не один год и хорошо изучил его характер. К тому же, в Президиуме ЦК и Совете Министров Каганович ведал топливом и транспортом. В позиции Кагановича Байбаков не сомневался. Не сомневался в ней и отец, и поэтому попросил, насколько удастся, скрыть от Кагановича подготовку программы, напрямую взаимодействовать с министром путей сообщения Борисом Павловичем Бещевым.

Вернувшись в Госплан, Байбаков, не теряя времени, пригласил к себе Бещева. Уговаривать его не пришлось, Бещев лучше кого-либо понимал, что паровозам давно пора на покой. Но Каганович?!

– Николай Константинович, а Никита Сергеевич говорил об этом с Лазарем Моисеевичем? – забеспокоился министр.

– В том то и штука, что нет, – отвечал Байбаков, – более того, он вообще просил держать всю затею в секрете от Кагановича.

– Но как провести разработку такого проекта втайне от Лазаря Моисеевича, если он в Совмине отвечает за весь транспорт? – Бещев перепугался не на шутку. – Нет, уволь меня, Николай Константинович, я за такое дело не возьмусь. Тебе-то ничего не будет, ты заместитель председателя правительства, а мне, когда Каганович узнает, несдобровать.

– Да не трусь ты, – уговаривал министра председатель Госплана, – ведь поручение исходит от самого Хрущева. Кроме того, дело-то большой государственной важности.

– Так-то оно так, – заколебался Бещев, но, видимо, представив себе разгневанного Кагановича, решительно закончил: – в таком деле я участвовать не стану.

Байбаков сочувствовал Бещеву. Он понимал, Каганович не просто заместитель Председателя Совета Министров, но и член Президиума ЦК, в отсутствие Хрущева он председательствует на заседаниях Президиума ЦК. Бещеву он «измены» не простит. Однако и не выполнить поручение Хрущева Байбаков не мог.

– Значит, дрейфишь? – пошел на компромисс Байбаков. – Тогда давай так договоримся: ты мне подготовишь все материалы, прикомандируешь к Госплану знающего надежного человека, а все остальное дело наших рук. Если Каганович узнает, притворишься, что ты ни при чем.

– Он что, дурак, Каганович? – возмутился Бещев. – Так он и поверит. Нет уж, уволь меня от такого дела. Считай, что мы не разговаривали, я вообще ничего не знаю, а вся эта затея – инициатива Госплана.

– Ничего не поделаешь, – сдался Байбаков. – Ты только готовь для меня материалы, какие я попрошу, а остальное я возьму на себя.

Бещев кисло улыбнулся в ответ. Он очень неуютно чувствовал себя между двух жерновов: с одной стороны Хрущев, с его вполне своевременным и разумным поручением, с другой – Каганович...

Революцию на железных дорогах Советского Союза Госплан подготовил не за три, а за пять месяцев. С учетом всей сложности задачи, сроки рекордные. В начале 1956 года предстояло обсуждение программы на Президиуме ЦК. Каганович о готовящихся документах ничего не узнал. Бещев и его подчиненные молчаливо сочувствовали новому делу и совсем не горели желанием подводить Госплан, ну а госплановцы тем более не искали хлопот на свою голову. Секрет раскрылся только в январе 1956 года, когда Лазарь Моисеевич получил официальные документы к очередному заседанию Президиума ЦК. В кабинете Байбакова раздался звонок кремлевской «вертушки».

– Байбаков, ты представил в ЦК вредительский документ? – не поздоровавшись, заорал Каганович. – В случае войны противник первым делом уничтожит нефтепромыслы и электростанции, железные дороги останутся, и мы погибнем.

Голос его звенел от негодования. Несколько лет тому назад Байбакову после такого разноса – одна дорога на Лубянку. Теперь уже Николай Константинович чувствовал себя в безопасности и даже попытался возражать.

– Лазарь Моисеевич, но ведь и паровозы нуждаются в топливе, а шахты можно разрушить так же, как и нефтепромыслы, – урезонивал он собеседника, – выгоды от перехода на новые виды тяги очевидные, развитые страны давно отказались от паровозов.

– Я был и буду категорически против этой затеи! Вы еще ответите! – не унимался Каганович, и тут же, чуть сбавив тон, поинтересовался. – А кто вообще поручил тебе такое?

– Первый секретарь, – ответил Байбаков, не назвав фамилии.

– Почему мне не доложил? – допытывался Каганович.

– Не хотел вас затруднять, – почти нагло ответил Байбаков.

– Все! Я буду против! – в телефонной трубке раздался громкий треск, и наступила полная тишина. Видимо, Каганович треснул трубкой об стол.

Часа через два Байбакову позвонил отец.

– Хороший документ вы представили, товарищ Байбаков, – в голосе отца проскальзывали смешинки, видимо, Каганович и ему звонил. – Надеюсь, на завтрашнем Президиуме ЦК мы его утвердим. Только как следует подготовьтесь. Наверняка вам зададут немало вопросов.

Дальше отец начал интересоваться деталями. Перед тем как попрощаться, Байбаков рассказал о звонке Кагановича.

– Э-э, не обращайтесь внимания, – рассмеялся отец, – чего еще можно от него ожидать? Потому-то я просил все держать от него в секрете. Он развел бы склоку на всю Москву.

5 января 1956 года Президиум ЦК единогласно утвердил программу, Каганович не возражал, только посетовал, что его не привлекли к ее подготовке и вообще все до последнего дня держали от него в секрете. Но его причитания присутствовавшие пропустили мимо ушей, да и сам он в конце проголосовал «за». Лазарь Моисеевич всегда голосовал с теми, за кем сила.

Сейчас паровоз можно увидеть разве что в музее, да и то не во всяком. Их давно безжалостно пустили на металлолом.

Не только паровозная эпопея, но и другие инициативы отца сопровождались и жестким противостоянием и не менее занимательной интригой. К сожалению, многие детали происходившего в те годы остались за кадром. Свидетели событий почти не оставили воспоминаний. В архивах же сохранились сухие, до предела отжатые, параграфы Постановлений ЦК КПСС и СМ СССР да пояснительные записки к ним, вроде той, что в 1956 году писал Байбаков. Об остальном остается только гадать, а гадания в истории могут завести бог знает куда. Мы знаем только то, что знаем, и не более того.